

Нашы лаўрэаты

Решением Ученого совета БГУ от 29 октября 2001 г. премия им. В.И. Пичеты присуждена И.Л. Зеленковой «за разработку научной концепции этического знания, создание на этой основе серии учебных пособий нового типа и внедрение в учебный процесс современных образовательных технологий».

Сфера научных интересов И.Л. Зеленковой включает исследования истории этических идей, теоретических проблем «практической философии», стратегии «правильной жизни», высших моральных ценностей.

И.Л. ЗЕЛЕНКОВА

«ЧТО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ?»

Зеленкова Инесса Львовна – кандидат философских наук, профессор кафедры философии культуры. Автор около 50 публикаций, включая 9 авторских учебных пособий, в том числе 3 с грифом Министерства образования РБ.

Монография И.Л. Зеленковой «Проблема смысла жизни (опыт историко-этического исследования)», учебное пособие для студентов вузов «Основы этики» широко известны не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Знаменитый кантовский вопрос, вынесенный в заглавие и предполагающий возможность поливариативной интерпретации, используется в статье двояким образом. Прежде всего, с его помощью можно зафиксировать главную особенность этического знания, ориентированного на разработку стратегий «правильной» жизни человека, которые, отвечая на данный вопрос, по большому счету, фиксируют практическую устремленность этики. Второй, более конкретный ракурс такого вопроса обозначает направление деятельности, связанной с преподаванием этого своеобразного вида знания, коль скоро оно составляет основной предмет интереса автора статьи.

Очевидная взаимосвязанность данных аспектов кантовского вопроса определяет необходимость решения по меньшей мере двух задач: осмысления «пространства» этического знания и разработки «технологии» приобщения к нему студентов, соответствующей специфике этого знания. Отсюда с неизбежностью вытекает единство научно-исследовательской и методической работы, предполагающее попытку создания такой концептуальной модели этического знания, которая способствует творческому характеру его усвоения. Определенные результаты осуществления этих целевых ориентаций представлены в авторской серии учебных пособий по этике¹, описать развернуто инновационную составляющую которых (как в теоретическом, так и в организационно-методическом отношении) не позволяет объем данной публикации. Некоторые идеи, тем не менее, объединенные упомянутым контекстом заглавного вопроса, можно в ней кратко отразить.

У студэнтаў часта ўзнікае пытанне: чаму, сапраўды, трэба набываць этычнае веданне *по сутэсці*, т. ё. паміма прагматычнай неабходнасці атрымаць зачет ці экзаменацыйную ацэнку па гэтым прадмету? Адапавя на яго, в першую ачэрэд прйдзеця вспомніць аргументы вполне банальныя, звязаныя с тем, что увелічэнне аб'ёму любых знаньёў естэственна для развівальнай асобы, паськольку існуе дастаточна прастая заканамернасьць: чым большэ знаньёў (в квалітэтным і асобэнна в квалітэтных адношэньях) набывае чалавек, тем большэ багатым становіцца зьмест яго внаутрышняга сьвету, тем інтэрасней он для другіх і для самага сёбя. Адапаватэа гэтага тыпа прыменіма, бэзусловна, і для этычнага знаньёў, но яго асобынасьна значымасьць адынаваляецца не толькі (і не столькі) чыста інфармацыйным аспэктам.

В адыначэе ад другіх відаў знаньёў, імаючых дэло с аб'ектамі *частнага* характэра па адношэньі к чалавечэскай судзьбе і не вьсёгда *прямэ* касаючыхся гэтай судзьбы, этыку можна в адынаваляным сьмьслэ счэталэ знаньём *унівэрсалёным*, т. ё. неабходным *любому* чалавеку, вна завасымасці ад яго *частных* (тожэ немаловажных) праявлэньёў (пола, вьзраста, нацыянальнасьці, профэсьсіі і т. п.). Гэто звязано с тем, что этыка, ісьслюдуя мораль (унівэрсалёны спасьб рэгуляцыі чалавечэскіх адношэньёў), стрэміцца адыветыць на *абычэй* для вьсёх людэй вьпасьс: как слэдуе жыць? Пасьтому этычэскае веданне сьдэрыжыт в сёбе вьмажнасьць *практычнага* прыменэня яго рэзультатаў в рэальным апытэ канкрэтнай асобынасьці. Прыдапагааемыя этыкай ідаалы как бы нацэлены на гармонічнае сьадзінэньё унікальнага «Я» с унікальнасьцю «Другога», на спасьбнасьць самаацэнавай асобынасьці вьпсывацца в сацыяльнае бытэе бэз яго дэстабілізацыі. Такаа вьмажнасьць адытуалізэруецца, когда чалавек не прасьто абладает інфармацыяй адносьсительна какога-то фрагмэнта этычнага знаньёў (хотьэ бэз гэтага, канечна, не абытысь), а абнаружывае (рацыянальна, эмацыянальна ілі «на грانى», во вьзаімаьсв'язі гэтых сьстаюньёў) яго *сьзавучэ* сабьсвенному бытэю. Другымі словамі, толькі в случае інадывідуальнай інтэрыорызатэі (глубокого внаутрышняга усваенія) этычэскае веданне становіцца для інадывіда настэащэй цэнасьсцю, спасьбнаай вьліяць на яго сьсознаніе і, сьсодзветствэнна, рэальную жызьнь.

Удаवलэтворэнне патрэбнасьці в «ідаейном рукаводствэ» с пасьмощэу этычнага знаньёў асьсудэствляецца бэз усьсэрба для інадывідуальнасьці, паськольку, прыждэ вьсёго, гэто веданне не монолітна, а множэствэнна і прыдапагае не єдынствэнную «ісьсціну в асьсладней інастанцыі», а цэлы абыбор ідаей, прэтэндуючых на статус ісьсцінасьці. Слэдаватэльно, можна вьбіраць сёбе ідаеу «по вькусу» бэз вьсякого прынауджэння. Крэмэ того, нельзя прынаудыць асобынасьць «прысьсвоіць» сёбе какоа-лібо із сьсакровіщ этыкі: сьдэлаць яго *сьсвоім* (лібо адытэргнуць как чуждое, лібо «дэстроіць») она спасьбна толькі самастэаьтэльно. Таакім абразом, ізьсучэнне любого фэнамена, вьходячэго в прасьтраньсво этычнага знаньёў, не явлэаьсца самаацэлю і самаацэнасьцю, а вьстэпуаьсца в качэствэ *сьсрэдства* інадывідуального ідаейного абогашчэння для *практычнага* жызьнедэятэльнасьці ілі, по мэньшэй мэрэ, для адынаваляня стратэгічэскіх цэнасьсцьных координат гэтай жызьнедэятэльнасьці. Не каньдэй студэнт, разумеаьсца, пажэлае вьспользаватэся патэнасьсціальнымі рэгулятывнымі вьмажнасьцямі этыкі. Кому-то, наваьрнэе, інтэрасно *прасьто знатэ*, какоа нравьсвенная пазыцыа адынаваляного твораца этычнага знаньёў. Но і в сьсознаніі такога «бэзучастнаго» студэнта можэ вьзнікаць неадыданнаа *сьсзавучэ* некоторм ідаейм, пасьбуждаючэе гэты ідаей прынамаць ілі адытэргатэ, ілі трансформіроваць.

Такоа *сьсзавучэ* спасьбно удаवलэтворатэь ещё адну немаловажную патрэбнасьць чалавэка – патрэбнасьць в эькстэрыорызатэі внаутрышняга «Я», в прыдаьсвляньі сёбя міру для «закрэплэня» в рэальнасьці: есьлі я нахожу в

пространстве этического знания аналоги своим собственным нравственным представлениям (часто выстраданным в одиночестве), значит, мой уникальный опыт как бы вписан в духовную связь времен, и я уже не так одинок. Этическое знание, подтверждающее индивидуальные «открытия», тем самым как будто санкционирует их значимость и придает проистекающим из них поступкам определенную легитимность. «Закрепляя» свое «Я» таким способом, можно приобрести дополнительную опору для своих ценностных ориентаций, особенно значимую в ситуациях, когда нет духовного *созвучия* с живыми людьми.

Идейная поддержка, на которую интуитивно или осознанно рассчитывает человек, обращаясь к этике, обычно нужна ему для стабилизации *настоящего* и моделирования *будущего* измерений его жизни, но ознакомление с этическим текстуальным полем интересно также возможностью вовлечения в этот процесс *прошлого иных* жизней и, соответственно, «соединения времен». Слова, образующие ткань этических текстов, хранят тепло, энергетику размышлений и переживаний *живых* людей, поэтому в случае нахождения резонанса с ними можно «согреть» свое настоящее и «осветить» будущее этим магическим огнем.

Способы «присвоения» этического знания определяются в первую очередь личностными особенностями, поэтому их вообще-то великое множество. Можно зафиксировать вместе с тем некоторые общие моменты названного процесса, способствующие уточнению индивидуального стиля «взаимоотношений» с этическим знанием.

Как уже отмечалось, «оживление» этического знания осуществляется путем интериоризации его фрагментов. Другими словами, *любая* этическая информация (текст, идея, оценка и т. п.) предполагает необходимость осмысления, расшифровки авторской идеи и соизмерения полученного результата со своими представлениями. При этом мысли (автора и интерпретатора) как бы «ищут друг друга» (А. Белый), чтобы соединиться или противостоять, соперничать. Самое важное – это, наверное, первоначальное сохранение всегда хрупкого равновесия между значимостью первообраза, закрепившего авторскую, т. е. чужую для интерпретатора, мысль, и *собственным* смыслом, рождающимся под влиянием этого первообраза.

При взаимодействии («встрече») своего и чужого рождается нечто третье: свое, но уже иное, чем первоначально, в какой-то степени трансформированное чужим, что, вероятно, и есть «ожившее» этическое знание, точнее – его «расколдованный», «заговоривший» фрагмент. Причем совершенно необязательно, чтобы это новое содержало в себе *принципиальную* новацию, так как установка на «расшифровку» заложенного в тексте авторского смысла, без стремления привнести в него нечто отличное, свое, также имеет положительное нравственное значение. Даже повторяя (осознанно) чужие слова, человек говорит их «на свой манер», т. е. заново. Слова ведь, между прочим, все – чужие (многократно уже кем-то произнесенные, записанные, в общем – использованные), поэтому «задача творчества – выложить свою мысль из чужих унаследованных слов»². При этом можно «остаться с автором», а можно «расстаться» с ним и пойти дальше, утверждая свое право быть автором. В последнем случае этическое знание будет использовано только в качестве стимула, подтолкнувшего субъекта к индивидуальному творчеству.

На таком пути опять же возможны варианты. Результаты индивидуального творчества могут быть оставлены исключительно для себя, а могут быть зафиксированы в письменной форме, создавая, таким образом, возможности приобщения к ним других людей, желающих участвовать в процессе расширения пространства этического знания. Конечно, для того, чтобы такое творчество вообще могло бы состояться, необходимо располагать

не только определенным набором специальных средств (например, моделью разнообразных видов индивидуальной творческой работы), но и осознанным представлением о своеобразии этического знания, которое определяется прежде всего предметом этики и ее проблемным полем.

На протяжении всей истории своего существования этика, или «практическая философия», преимущественно интересовалась феноменом морали и осмыслением «правильной» («долженствующей быть») жизни человека. При этом мораль не выступала в качестве предметной «самоценности», т. е. знание о ней не просто фиксировалось, а использовалось в контексте определения практических жизненных ориентиров. Обе проблемы при всех возможных различиях настолько тесно взаимосвязаны, что под определенным углом зрения могут выглядеть взаимозаменяемыми или даже сливаться в единую установку, пафос которой и отражен в кантовском вопросе. Другими словами, стратегическая «регулятивная идея» этики связана с обоснованием «истинной» стратегии человеческого существования, опирающейся на некоторое представление о сути морали.

Механизм функционирования «практической философии» можно (с известным упрощением) представить как сложноорганизованное единство упомянутой «регулятивной идеи», задающей главное направление этической рефлексии; источника энергии этой рефлексии, побуждающего ее постоянную активность; совокупности «предохранителей» («тормозов»), которые не позволяют слишком удалаться от стратегических целей и одновременно защищают этику от саморазрушения. В качестве второго элемента этой условной конструкции выступает, вероятно, извечная антитеза должного и сущего, не позволяющая этической мысли «успокаиваться» и стимулирующая ее на поиск вариантов гармонизации идеала и действительности. Что же касается «тормозов», то в таком качестве выступает ряд идейных ориентиров, в определенной степени ограничивающих этическое мышление. К их числу можно отнести «отторжение» произвола, осуждение «грязных» средств для достижения нравственных целей, идейную поддержку системы запретов, отраженных в общеизвестных моральных нормах и т. п. Этическое мышление, конечно, время от времени пытается вырваться за пределы этих ограничителей, однако преимущественно под воздействием негативных – реальных или моделируемых – практических последствий, а также соответствующих теоретических результатов, разрушающих основы этического созидания, вынуждено вновь их принимать как своеобразную «страховку», предохраняющую от разрушения стратегической целевой установки и, следовательно, этики как таковой.

Одной из причин, объясняющих определенную консервативность этического знания, является отражение (и выражение) специфики главного предмета своего интереса – морали, как бы заимствования механизма ее функционирования. Этот механизм можно описать как взаимозависимость некоторого «целевого блока», задающего стратегию развития; «энергетического заряда», обеспечивающего реальное воплощение этого саморазвития; и «страховочного комплекса», поддерживающего безопасность всей системы. В «целевом блоке» центральное место принадлежит «регулятивной идее», фиксирующей смысл морали в его, так сказать, предельном выражении. Смысл заключается, вероятно, в том, что мораль призвана способствовать стабилизации человеческого сообщества и утверждению самоценности человека. (Здесь, кстати, можно отметить имманентную связанность и одновременно противоречивость идейных компонентов такого назначения морали, что проявляется в неисчислимом количестве реальных нравственных коллизий.) В качестве специфического «энергетического заряда» нравст-

* Такая модель разработана, частично описана в упоминавшихся учебных пособиях и на протяжении многих лет успешно реализуется в преподавательской деятельности автора.

венного бытия выступает оппозиция добра и зла, которую можно рассматривать как определенный срез антитезы должного и сущего, имеющий особую значимость в сфере практического воплощения морали. «Страховочный комплекс» образуется совокупностью запретов и предписаний относительно должного нравственного поведения.

Механизмы функционирования этики и морали нельзя, наверное, признать идентичными, однако аналогия между ними просматривается достаточно определенно. Это связано, в частности, с тем, что можно условно называть «парадоксом местоположения» этики, которая осуществляет рефлексию над своим предметом и тем самым предопределена «приподниматься» над ним, но одновременно пребывает *внутри* его структуры, составляя пространство упорядоченного морального сознания. Поэтому стремление этики выйти за пределы морали, чтобы «схватить» ее мышлением, никогда не обеспечивает этическому знанию полного «очищения» от характерных особенностей его предмета, чем в определенной степени объясняется отенок морализаторства, неизменно сопровождающий этическое знание во всех его вариациях, сохраняющаяся в обыденном словоупотреблении тождественность терминов «мораль», «нравственность», «этика» и многое другое.

Динамика этического знания, представляющего собой сложным образом организованное, опосредованное идеологическое отражение нравственного бытия, проявляется и в интерпретации стратегии «правильной жизни» (если ее рассматривать в качестве относительно самостоятельного элемента «регулятивной идеи» этики). Здесь также можно обнаружить блок целеполагания, фундированный идеей самореализации личности; некоторую «энергетику», связанную с антиномичностью центральных жизненных ориентаций; и определенный набор «тормозов» для предохранения от возможной нравственной деградации. Понятно, что такая абстрактная модель динамики этики и ее основных смыслообразующих компонентов в известной степени упрощает, унифицирует и, следовательно, огрубляет живую этическую и нравственную реальность, но при этом обладает достаточным эвристическим потенциалом, позволяющим рассматривать пространство этического знания под определенным углом зрения, высвечивающим некоторые его закономерности и особенности.

Стремление к практической эффективности определяется самой природой этики: она изначально практически ориентирована, она «хочет» быть полезным знанием и предлагает свои достижения именно в таком качестве. Однако любые этические предписания всегда остаются только гипотетическими рекомендациями, которые невозможно навязать кому бы то ни было. (Попытки ужесточения этических императивов путем использования могущества религии, политики, права всегда оказывались весьма сомнительными.) Вообще, этическое знание не может быть *дано*, оно может быть только *взято*, востребовано личностью, «созревшей» до уровня интериоризации какого-то фрагмента этого знания и, соответственно, его «оживления». Если воспользоваться древнекитайской мудростью («Учитель приходит, когда ученик готов»), то можно сказать, что при всех своих претензиях на практическую значимость этика вынуждена оставаться вне сферы «живой» жизни до тех пор, пока «ученики», вдохновленные ее идеями, не попытаются соотносить с ними свое существование. Но для того, чтобы охватить своим влиянием наибольшее количество потенциальных «учеников», этика вынуждена отвлекаться от частных, обобщать и схематизировать, разыскивая «общую сущность» человеческого бытия, которая может быть отражена исключительно абстрактными проектами. В общем, получается очередной парадокс: «желая» быть практически значимой для всех людей – таких разных в действительности, этика неминуемо элимини-

рует их особенности, что является одной из причин отторжения ее рецептов теми, кто не в состоянии перешагнуть границы своей «особенности» или не желает этого делать. Этот «камень преткновения» частично удастся обойти с помощью констатации расщепления, если так можно выразиться, этического знания на множество отдельных феноменов (концепций, направлений, школ), которые в какой-то мере соответствуют реальной множественности нравственного бытия. Такая раздробленность «практической философии» вместе с тем сама по себе рождает целый «букет» дополнительных проблем, отнюдь не способствующих улучшению реального состояния морали.

Сопряжение этики с нравственной составляющей реального мира весьма проблематично, причем известная аналогия в механизмах их функционирования, о чем упоминалось прежде, нисколько эту проблематичность не уменьшает. Если движение от морали к этике представляется относительно ясным, то на пути «возвращения» этики к конкретному нравственному бытию с целью его «исправления» выработанными должными идеалами возникает такое количество препятствий, что вопрос о практической значимости «практической философии» звучит несколько нелепо: ответ на него часто оказывается отрицательным. Но на всякое «нет» непременно найдется свое «да». Бессмысленность этики в контексте сомнительности ее практической эффективности оказывается лишь видимостью, если мы посмотрим на нее под иным углом зрения.

Если, исходя «от противного», представить себе человеческое сообщество без этики, то становится понятной цена изъятия из культуры ее «души» (А. Швейцер). Даже если «практическая философия» никогда не предложит «сильных» инноваций, а будет просто воспроизводить традиционные нравовучения, то уже одним этим она оправдывает свое существование. Главное, наверное, достижение этики — создание плодотворного идейного фундамента, обеспечивающего *возможность* выбора точки опоры (или хотя бы стимула) для индивидуальных нравственных исканий. Содержательная вариативность, стилистическое разнообразие, незавершенность и дискуссионность этического знания в целом делают его открытым каждому человеку, ограничивая свободу его волеизъявления лишь настолько, насколько он сам этого захочет: можно выбрать концепцию или учение по своему «вкусу», а можно, «пропитавшись» этическими идеями и отвергнув их все, предаться собственному этическому творчеству. При этом локальность этического воздействия (вроде бы ее «отрицательная» характеристика) будет выглядеть совершенно иначе — как условие обеспечения каждому человеку права на «самозаконотворчество воли». Не должны ведь все «творцы морального закона» питаться одинаковой духовной пищей, разным требуется разное, а что касается желающих совсем от такой пищи отказаться, то и это запретить нельзя.

На очевидный для многих людей аргумент «против» морали, фиксирующий неустранимость, живучесть и даже количественный рост субъектов явно аморальных, существуют контраргументы. Один из них обращает наше внимание на то, что «преступления и болезни тоже никогда не переводятся, однако из-за этого право и медицина не выбрасываются за борт. Этика, конечно, не есть панацея, ни безусловное средство против известного рода ненормальностей, мешающих людям достигать возможного развития и удовлетворения»³.

Этика, кроме того, способна выступать в качестве формообразующего элемента, который *содержит*, т. е. скрепляет, человеческое сообщество, несмотря на разнообразие и даже антагонизм ориентаций индивидов, составляющих это сообщество. Не сама по себе, просто как факт культуры, запечатленный в соответствующих текстах, а посредством «учеников»

(пусть и немногочисленных), интериоризировавших ее идеи (прямо или опосредованно, например через художественную литературу) и ожививших их своей конкретной жизнью. Именно такие «ученики», существующие в любые времена и в любых культурах, составляют то, что можно назвать эмпирической достоверностью этических идеалов, благодаря которой человечество пока еще не впало в состояние дикости. И наконец, как бы ни был далек «путь от формирования нравственного требования до формирования условий его практического осуществления, от постановки человеческой проблемы до ее реального решения, само это противостояние долженствования и действительности указывает путь прогрессивного движения истории, такого ее движения, которое является самоутверждением человека»⁴.

Таким образом, сам факт существования в культуре человечества этического знания, многоликость которого способна чудесным образом складываться в некую целостность, создает уникальную возможность обеспечения человеку «встречи» с самим собой и с другими или хотя бы понимания путей, ведущих к ней. «Практическая философия» как бы приглашает к сознательному жизненному творчеству любого «ученика», получающего равное с другими право на заполнение пространства этического знания, даже если его опыты остаются незамеченными⁵ или вступают в противоречие с иными ценностными установками. В соответствии с этим ответ на кантовский вопрос, избранный контекст которого обозначен в начале статьи, может выглядеть следующим образом: необходимо осознать себя в качестве добросовестного «ученика» этики и максимально обеспечить (точнее – обеспечивать) возможность аналогичного «ученичества» для студентов.

¹ См.: Зеленкова И. Л. Основы этики. Мн., 2001; Зеленкова И. Л. Этика: тексты, комментарии, иллюстрации. Мн., 2001; Зеленкова И. Л. Учебно-методический комплекс по курсу «Этика» на основе современных образовательных технологий. Мн., 2001.

² Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 112.

³ Кавелин К. Д. Задачи этики. Учение о нравственности // Философские науки. 1990. № 11. С. 97.

⁴ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 94.

⁵ Для того чтобы лучшие студенческие «опыты» не оставались незамеченными, они по мере возможности публикуются. См.: Этическая мозаика / Под ред. И. Л. Зеленковой. Мн., 2001.